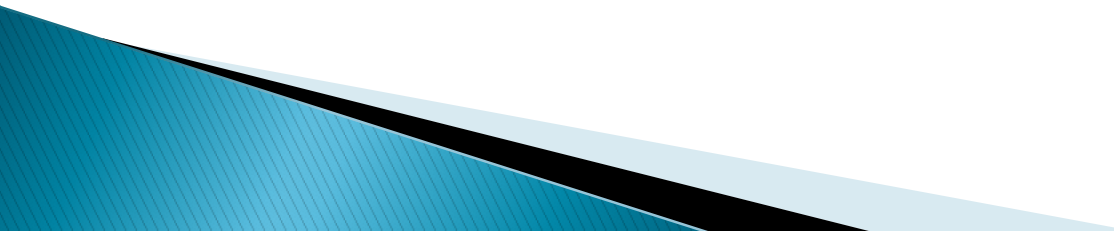

Алгоритмы анализа лирического произведения

Татьяна Кучина,
Д.ф.н., профессор ЯГПУ

Всеволод Некрасов

- ▶ Сотри случайные черты
 - ▶ Три четыре
 - ▶ Сотри случайные черты
 - ▶ Смотри случайно
 - ▶ Не протри только дырочку
-

Лев Лосев

На кладбище, где мы с тобой валялись,
Разглядывая, как из ничего
Полуденные облака ваялись,
Тяжеловесно, пышно, кучево,

Там жил какой-то звук, лишенный тела,
То ль музыка, то ль птичье пить-пить-пить,
И в воздухе дрожала и блестела
Почти несуществующая нить.

Что это было? Шепот бересклета?
Или шуршало меж еловых лап
Индийское, вернее бабье, лето?
А то ли только лепет этих баб –

Той с мерой, той прядущей, но не ткущей,
Той с ножницами? То ли болтовня
Реки Коннектикут, в Атлантику текущей,
И вздох травы: «Не забывай меня».

5 мая 1996
Eugene

В пустом зале

“Не отставайте”, — нам сказали,
но мы отстали и одни
вдруг оказались в этом зале
с огромным зеркалом в тени.

На гобелене от Перикла
остался выцветший овал,
и рыхлый бархат слишком рыхло
на низком троне истлевал.

Сверкнули тусклые аканты
и корешки потёртых книг,
когда случайный луч закатный
в окно под потолком проник.

В нём золотая пыль дрожала
и он то вспыхивал, то гас,
но зеркало не отражало
ни света этого, ни нас.

Алексей Цветков

однажды солнце село навсегда
особенно неистовствовал дворник
он клялся что взойдёт-таки во вторник
но не вошло а ведь уже среда

мы поначалу стали делать вид
что в сущности не тяготимся этим
и лицемерно объясняли детям
что солнце есть и что оно горит

но вот работник лома и метлы
отчаявшись терпеть и как бы в шутку
нам объявил сложив приборы в будку
что жизнь прошла что мы теперь мертвы

и стало жалко тратить пот и труд
и стало слышно в тихом плеске леты
как маленькие детские скелеты
в песочнице совочками скребут

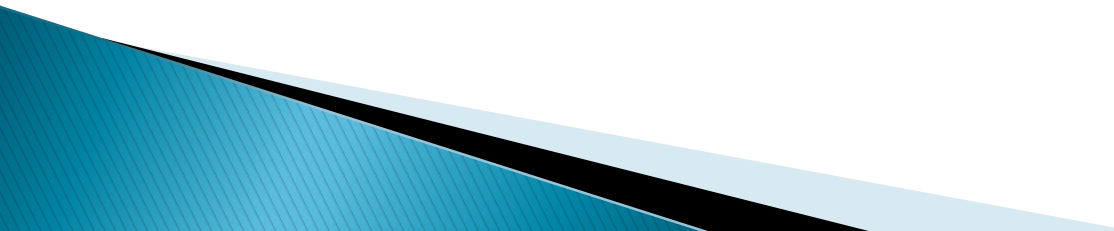
Сергей Гандлевский

Мне тридцать, а тебе семнадцать лет.
Наверное, такой была Лаура,
Которой (сразу видно, не поэт)
Нотации читал поклонник хмурый.

Свиданий через ночь в помине нет.
Но чудом помню аббревиатуру
На вывеске, люминесцентный свет,
Шлагбаум, доски, арматуру.

Был месяц май, и ливень бил по жести
Карнизов и железу гаражей.
Нет, жизнь прекрасна, что ни говорите.

Ты замолчала на любимом месте,
На том, где сторожа кричат в Мадриде,
Я сам из поколенья сторожей.
1986

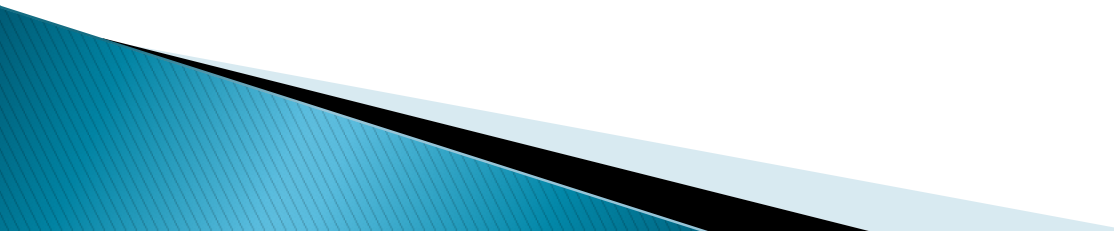

Зачем об этом думать? <...>
Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух, ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной,
И сторожа кричат протяжно: “Ясно!..”

Генрих Гейне

Мне – тридцать пять, тебе – пятнадцать...
Но, Дженни, ты ль вообразишь,
Кого ты мне напоминаешь,
Какую рану бередишь?

В году семнадцатом я встретил
Ту, что была моей судьбой,
Всем – от походки до прически –
Столь дивно схожую с тобой.

Тимур Кибиров

Хорошо бы сложить стихи
исключительно из чепухи,
из совсем уж смешной ерунды,
из пустейшей словесной руды,

из пустот, из сплошных прорех,
из обмолвок счастливых тех,
что срываются с языка
у валяющих дурака, —

чтоб угрюмому Хармсу назло
не разбили б стихи стекло,
а, как свет или как сквозняк,
просочились бы просто так,

проскользнули, как поздний луч,
меж нависших кислотных туч,
просквозили бы и ушли,
как озон в городской пыли.

Мне ни к чему **одические рати**
И прелесть элегических затей.
По мне, **в стихах все быть должно некстати**,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, **из какого сора**
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже **звучит, задорен, нежен**,
На радость вам и мне.

Даниил Хармс:

«Стихи надо писать так, что если бросить стихотворением в окно, то стекло разобьется»

«Сила, заложенная в словах, должна быть освобождена... Нехорошо думать, что эта сила заставит двигаться предметы. Я уверен, что сила слов может сделать и это»

Иосиф Бродский

К Урании

У всего есть предел; в том числе, у печали.
Взгляд застревает в окне, точно лист – в ограде.
Можно налить воды. Позвенеть ключами.
Одиночество есть человек в квадрате.
Так дромадер нюхает, морщась, рельсы.
Пустота раздвигается, как портьера.
Да и что вообще есть пространство, если
Не отсутствие в каждой точке тела?
Оттого-то Урания старше Клио.
Днем, и при свете слепых коптилок,
Видишь: она ничего не скрыла
И, глядя на глобус, глядишь в затылок.
Вон они, те леса, где полно черники,
Реки, где ловят рукой белугу,
Либо – город, в чьей телефонной книге
Ты уже не числишься. Дальше, к югу,
То есть, к юго-востоку, коричневеют горы,
Бродят в осоке лошади-пржевали;
Лица желтеют. А дальше – плывут линкоры,
И простор голубеет, как белье с кружевами

А.ЖОЛКОВСКИЙ

- ▶ Иифинитивная поэзия трактует о некой виртуальной реальности, которую поэт держит перед мысленным взором, о некоем “там”, в отличие от другого минималистского стиля—назывного, который рисует описываемое как имеющее место здесь и сейчас. Общий семантический ореол всего корпуса ИП это, в неизбежно схематизирующей рабочей формулировке, “медитация о виртуальном ино-бытии”.

Дмитрий Пригов

Долина Дагестана

В полдневный зной в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я
Я! Я лежал – Пригов Дмитрий Александрович
Кровавая еще дымилась рана
По капле кровь сочилась – не его! не его! – моя!

И снилась всем, а если не снилась – то приснится
долина Дагестана
Знакомый труп лежит в долине той
Мой труп. А может, его. Наш труп!
Кровавая еще дымится наша рана
И кровь течет-течет-течет хладеющей струей

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня – но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.
(М.Ю.Лермонтов, 1841)

Гандлевский vs Лермонтов

Стоит одиноко на севере диком
Писатель с обросшею шеей и тиком
Щеки, собирается выть.

Один-одинешенек он на дорогу
Выходит, внимают окраины Богу,
Беседуют звезды; кавычки закрыть.

- ▶ На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
- ▶ И дремлет, качаясь, и снегом
сыпучим
- ▶ Одета, как ризой, она.

- ▶ И снится ей всё, что в пустыне
далекой –
- ▶ В том крае, где солнца восход,
- ▶ Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

Ербол Жумагулов

Бессонница. Абай. Пасутся табуны.
Я список лошадей прочел до середины.
Как бы ложилась ночь на горные седины,
блеща заржавленной фиксою луны.
Еще Кебек, шатаясь между юрт,
испытывал сердечный неуют.

К чертям считать кобыл! Я вышел на балкон.
Тоска, как волкодав, вгрызается мне в горло.
Зачем, зачем я был четыре этих года
бездушным выскочкой и круглым дураком,
которому на плечи небеса
упали в ночь, когда его броса...?

Себя же самого ругая на чем свет,
суровых дней моих отважная подруга,
я спрашивал тебя у яндекса и гугла,
но ничего, увы, не получал в ответ.
Я тосковал. Потом был твой звонок.
И выбило планету из-под ног.

Я шепот бормотал, я громок был на крик,
гуманитарный сын компьютерного века.
Что счастье, думал я, для юного Кебека,
когда пожар внутри и далеко Енлик?
За молодость, любимая, теперь
ты — самая большая из потерь.

Теперь нам не до нас. Мне остается ждать,
не то в любовь, не то в возможность чуда веря.
Тягучее, как мед, течет куда-то время,
куда, куда, куда мне от него бежать?
Зима вокруг — теплее, чем всегда.
От счастья, как от снега — ни следа.

А подо мною, мглы накрытый полотном,
уставший от тоски и жизни одноногой,
стоит лицом к лицу с морщинистой дорогой
мерцающий фонарь, сутулясь, под окном.
Температура близится к нулю.
Фонарь горит. И я тебя люблю.

Одиночество – свойство любой среды,
прикипая к нему, я уже сродни
миллиардам себе подобных.

Озорная молекула здешних мест –
свет не выдаст покуда, и тьма не съест –
я блуждаю без прав на отдых.

Я вернулся в мой город, я снова здесь –
не убитый равным, не умер весь –
имярек, безобразник, циник...

Налетающий ветер ядрен и сух;
надо мной облака, что лебяжий пух,
и ленивой луны полтинник
(посчитать бы когда-нибудь, сколько глаз
раньше нас, вместе с нами, и после нас,
видят, видели и увидят –
как роскошен полночный небесный плес,
и дрожащих созвездий песок белес...
Сколько глаз удивленных выйдет?).

Полина Барскова

Ода на восшествие на

Завтра едем за грибами
За грибами едем мы –
Торопливыми губами
Я вдыхаю в ухо тьмы.

Ха! Ты едешь за грибами?
а) Ты вряд ли их найдёшь.
б) Что делать станешь с ними?
Ну, поджаришь, ну сожрёшь.
в) На самом деле едешь
Ты развеяться чуток,
Обежать духовный Китеж
И обнюхать холодок
Здесьней осени... Ты бредишь...

Нет! Мы едем за грибами,
За грибами едем мы –
Разносортными зубами
Я вцепляюсь в ухо тьмы.

Метафизикой своею

Ты меня не проведёшь!
Пусть грибок подставит шею,
Как Дантон, под вострый нож,
Пусть протяжный влажный облак
Остановится на миг,
Чем-то вдруг напомнив облик
Огнедышащих твоих
Глаз, и вновь, как игуана,
Вдаль на брюхе поползёт,
Пусть на нас от океана
Рыбьим семенем несёт,
Пусть издаст из чащи мама
Клич воинственный: "Он здесь!",
Драматическая гамма
Чувств – смятение и спесь –
Пусть черты её окрасит...

*Леди Анна Леди Анна
Вот он вот он твой тиран!*

Вот она на холм залазит,
Гибче гибких обезьян,
Вот стоит она над нами:
Развеваются власы,
Словно дубья в урагане.

Так что – едем за грибами.
Воют бабы, кличут псы.